

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Конкурс «Кровавый расколбас». Рассказ № 1: Игры патриотов

У Димы со Светкой не было детей. Они переехали в Голландию в 2011, я очутился там двумя годами раньше. Мы жили в одном районе, часто пересекались на выходных. Светка любила мою компанию. Как-то я сразу заразился её задорным смехом, который сам же и провоцировал. Ничего не могу с собой поделать, когда девушка смеётся с моих шуток. Это как наркотик — хочется злоупотреблять снова и снова. Дима тоже подхохатывал, но не так долго и не так убедительно. Светка отдавалась смеху вся, можно сказать она жила такими моментами, искала их. Поэтому нам так весело было проводить время вместе. Поводов для шуток было выше крыши. Голландия — страна курьёзов, если присмотреться. Я рассказывал забавные случаи про себя, накопленные за пару лет, объяснял происхождение голландских традиций — Светка легко проглатывала любую чушь, заливаясь весёлым смехом на улице, в трамвае, кафетерии.

Я думаю, переломным моментом для наших отношений стала совместная поездка в спа-центр. С нами были ещё две пары с детьми, но мы — бездетные — держались особняком. Тем более столько поводов было пошутить и поржать.

Светка нервничала только в начале. Когда пришло время полностью раздеться, она постаралась незаметно заскочить в парилку и спрятаться за Диму. Я зашёл, и она всё-таки не удержалась и стрельнула взглядом по моим причиндалам. Я прошествовал мимо них и вежливо уселся сбоку. Светка вся сжалась, прикрывая руками груди, сдвинув колени.

— Мне так стыдно! — завёл я притворно взволнованным голосом. — Я родился в Советском Союзе. У нас не было совместных бань. А здесь заставляют раздеваться. Проверяют на входе, хорошо ли я разделся.

Светка уже хихикала, она как мотор, медленно заводилась.

— Вас тоже проверили? — наивно поинтересовался я.

— Нет, — ответил Дима, расплываясь в улыбке. — А тебя что, проверили?

— Странно, может, я ей понравился. Остановила в коридоре, сказала, чтобы я руки поднял и ноги на ширину плеч раздвинул, — и глазом не моргнув, продолжил я.

Светка на секунду отвела руку от холмиков грудей и заржала в кулак, поглядывая на меня сквозь слёзы.

— Обошла по кругу, заглянула во все места, — продавливал я тему. — А вот кстати и она.

В парилку зашла молодая стройная голландка в штанишках, маечке и сланцах. В руках она держала ведёрко, черпачок и полотенце. Залив камни хвоей, она взялась махать полотенцем, но, заметив меня, возмутилась:

— Мэнир (господин мой хороший), нельзя сидеть без полотенца!

Имеется ввиду попой на лавке. Кроме того, полотенце должно быть и под ногами, чтобы твой пот не растекался по всей парилке.

Я кивнул, задрал ноги и завис так в ожидании. Мне пришлось раздвинуть колени так, что яйца развалились на полное обозрение работницы спа-центра.

— Вы должны сидеть на полотенце, — не успокаивалась красавица с фигуркой инструктора по плаванию.

— Окей, окей, — я приподнялся и завис на руках — только потные яйца заколыхались над лавкой.

Заржали все. И девушка-инструктор, и пару голландцев, сидевших в отдалении, и особенно Светка с Димой. Но я не стал испытывать терпение голландской красавицы, спустился на пол и стал у стены.

— Можно я буду хотя бы стоять? — спросил я по-голландски.

— Стоять можно, — успокоилась работница сауны и вышла, ухмыляясь.

Я стоял в полный рост в двух шагах от Светки с Димой. Мои размякшие причиндалы свисали на полкилометра прямо напротив Светкиного лица.

Меня заставили! Я включил обиженного клиента. Светка угорала, но от меня не могли ускользнуть её скользкие любопытные взгляды.

У Светы изящная внешность Золушки из старого советского мультфильма: она такая же худенькая и хрупкая, шея, как у лебедя, ручки тонкие, вытянуты к таким же стройным ножкам. Попка, видом которой я потом наслаждался, настолько подтянута, что между ног образуется треугольничек просвета. Личико у Светы фарфоровое — кожа светится прозрачной белизной. Губки, носик маленькие, а глаза большие, драматические. Света — брюнетка, но красилась в золотую блондинку, и волосы у неё были изящно сложены в крендель на затылке. Она весила килограмм сорок пять, и я со своей соткой возвышался исполином напротив их, сложив руки на груди, расставив ноги на ширину плеч так, что яйца продолжали колыхаться, как у племенного жеребца.

Я продолжил шутить, как будто интимные подробности наших обстоятельств меня не смущали. Светка всё больше смирялась с мыслью, что ей никуда не деться от моих гениталий в её поле зрения. В какой-то момент она расслабилась и начала спокойно встречаться со мной глазами. По-новому, по-доброму скользить взглядом по моему телу. Мы вернулись к атмосфере, которая царилла между нами, когда мы были в одежде, стеснение отошло на второй план.

Светка убрала руки и, расслабившись, не заметила, как раздвинула ноги. Её депилированная киска детской складочкой торчала наружу. Внутренние губки слегка вылезли, образуя бутон тюльпанчика, который собрался распуститься. Тонкая ёлочка приглаженных волосиков украшала гладкий лобок, плавно переходящий в животик. У Светки почти не было грудей, только пухлые сосочки-клубнички подрагивали на ребристой поверхности, когда она смеялась.

Так мы и стали ближе. А потом Светка забеременела.

Дима был интересный кадр, среди программистов такие не редкость. В столовой он мог, например, перестать есть, выплюнуть в салфетку всё, что во рту, и так и оставить обед наполовину съеденным. В другой раз мы возвращались поздно в такси, немного пьяные, проехали уже минут десять, подъезжаем к месту назначения, вот уже виден его дом, и он, молчаливый такой всё это время, неожиданно вежливо просит женщину-водителя по-английски, настойчиво так:

— Вы не могли бы открыть окошко? Очень душно. Спасибо.

Мы почти приехали! Двадцать секунд оставалось до момента выхода из машины, а ему вдруг стало душно! И в голосе его мне послышались нотки тревоги, страха что-ли. Тщательно скрывааемые нотки панического ужаса. Мне вдруг стало не по себе. Он бы никогда не сознался, что испугался, но тот случай запомнился мне надолго и потом всплыл, когда пришло время, как звено в одной череде событий.

В остальном Дима был очень дружелюбным и общительным товарищем. Себе на уме, правда.

Но таких у нас работало большинство. Программисты переносят сложность компьютерных систем на жизнь и пытаются решить неразрешимые задачи теми же алгоритмами. В этом их беда. Они чувствуют в себе божественную силу, управляя компьютерами, и, возвращаясь в реальность, забывают, что жизнь не игра, которую можно починить.

Была у Димы большая тема — ностальгия по Родине.

— Вот ты патриот? — спрашивал он меня, охмелев после трёх бокалов пива.

— Конечно, — отвечал я. — Если начнётся война или революция в Беларуси, я сразу туда махну, на баррикады.

— А-а-а! Все так говорят, — улыбался он. Взгляд его чёрных глянцевого глаза становился неподвижным, уходил в себя, теряя отражение окружающего мира.

Я думаю он тяжело переживал переезд. Светка была на седьмом небе от счастья, она купалась в голландских реалиях, быстро выучила язык, нашла знакомых. Дима выглядел одиноким на её фоне.

Когда живот у Светки начал расти, что-то поменялось в их отношениях. Я часто присутствовал при их милых ссорах. В этих перепалках чувствовалось ожесточение, попытка притянуть меня в качестве судьи. Я пытался свести всё в шутку, и это отчасти получалось. В следующий раз они общались со мной отдельно, не замечая друг друга.

Так мы дожили до седьмого месяца. Наступила осень, октябрь. Унылое время, когда постапокалиптический пейзаж убивает любое желание жить под серым морозящим небом. Дождливая пора в Нидерландах — время холодов и ужасных ветров. Это проверка на выносливость и живучесть.

— Ты бы вернулся в Беларусь, если бы тебе предложили такую же зарплату, как здесь? — всё чаще задавал Дима подобные вопросы во время наших пятничных посиделок в баре.

— Нет. Там тот, чьё имя нельзя произносить вслух, — загадочно отвечал я. — Пока он не исчезнет с лица земли, моя дорога в Землю обетованную закрыта.

Однажды, когда мы остались за столиком одни, Дима выдал мне притворно шуточным тоном:

— Светка мне всё рассказала!

Дима был молчалив в тот вечер, много пил, и порядком захмелел. А тут вдруг такое!

— Что рассказала? — я насторожился, мало ли что.

— Всё! — сказал он с долей сарказма и пошёл к бару. Там толпилась куча народу, я думал, Дима возьмёт ещё пива и вернётся, но он протиснулся к выходу и ушёл, не попрощавшись.

На Хэлоуин меня пригласил хороший друг, сидевший со мной в одной комнате. Он был женат, двое детей.

Я приехал на велосипеде, кое-как нашёл дом в идеальной решётке улиц — в темноте тяжело искать таблички с названиями.

(В Нидерландах большинство людей в Гааге и её окрестностях живёт в трёхэтажных кирпичных домах, которые рядами стоят вдоль улиц. У моих друзей был как раз такой дом.) Дверь была приоткрыта. Я толкнул её — передо мной пустая тёмная прихожая. Замер в нерешительности. Через окно, выходящее на улицу, были видны огоньки свеч, горящие внутри, тыква на подоконнике, стол, заставленный блюдами, раскиданные продукты на кухонной стойке.

Дом будто вымер. Только что здесь царил праздник, вакханалия, и вдруг никого не осталось. — Эй! — переступаю порог. — Есть кто-нибудь дома?

— А-А-А! — выпрыгивают все сразу с когтями, клыками. Ведьмы, вампиры, мертвецы рвутся наружу. Сам хозяин дома — Франкенштейн с пробитой осиновым клином головой — ковыляет мне навстречу, хочет задушить. Я тоже не промах — обнажаю клыки. Ведьмочки с визгом убегают.

Все нарядные, красивые собираются вместе в гостиной. Шуточное веселье сопровождается игривыми попытками напугать. Дима тоже здесь в образе мрачного Дракулы. Он пришёл один, оставив беременную Светку дома. Я грущу, потому что надеялся повеселить её.

После небольшой трапезы хозяйка дома уводит детей на улицу ходить по домам с мешком, собирать конфеты. В доме остаются только взрослые, и тут Франкенштейн торжественно объявляет:

— Внимание! Минуточку внимания! Эротическое шоу для взрослых. Беременным и слабонервным просьба воздержаться. Сейчас мы поднимемся на чердак, чтобы изучить останки ведьмы, убитой графом Дракулой.

Все встают, охваченные любопытством, поднимаются по крутой лестнице на третий этаж. С чердака спущена ещё одна лестница. Там темно, хоть глаз выколи. Нас шесть человек — три парня и три девушки.

В темноте на ощупь находим стулья, по голосу определяем кто где. Всем весело, очень весело. Что-то сейчас будет?

— В моём доме поселилась ведьма, — слышится театральный голос Димы из дальнего конца чердака. Голос спокоен и трагичен. Необычно смиренный тон. Все успокаиваются, слушая его.

— Я убил её вчера вечером и принёс показать вам, — продолжает Дима. — Вот трусики, которые были на ней, когда она трахалась с самим дьяволом.

Девушки хихикают, перешёптываясь. Что-то шуршит в темноте. По кругу до меня доходят женские стринги с кружевами и миниатюрным бантиком. Мне знаком этот бантик, он часто выглядывал из под Светкиных джинсов, когда мы гуляли.

— Вот бюстгалтер, который она снимала, когда сношалась с Сатаной! — продолжает Дима. В руки мне попадает маленький бюстик. Женская половина откровенно ржёт, ощупывая чужое нижнее бельё.

Мы опять успокаиваемся, и после небольшой паузы Дима мрачно сообщает:

— Вот клитор, который Дьявол ласкал языком, когда она кончала!

В этот раз девушки вскрикивают. Шок сопровождается нервными возгласами, свидетельствующими об отвращении.

В мои дрожащие руки наконец доходит нежный кусочек мяса. Я силюсь понять, что это. Передаю дальше по кругу. Липкая жидкость остаётся на пальцах.

Когда клитор возвращается к Дима, он щёлкает пластиковой коробкой.

— Вот соски, которые возбуждались, когда Дьявол трахал её!

Снова крики брезгливого возмущения. Я холодею от ужаса. То, что попадает мне в руки, очень похоже на женские соски, отрезанные от тела. От волнения кружится голова. Если это розыгрыш, то очень дурной. Пористые соски с ореолами переходят дальше.

— А вот язык, который соприкасался с фаллосом Дьявола, когда она вылизывала его семя!

В гробовой тишине что-то опять передают по кругу.

— Дима, это уже не смешно. Я хочу выйти, можно я выйду? — срывается одна девушка.

— Я тоже, — рвётся за ней другая.

— Минуточку! — просит Дима. — Это ведь игра! Ну что вы в самом деле! Испугались? Остался последний предмет.

Девушки неохотно возвращаются на свои места.

Дима ждёт, намеренно выдерживает паузу.

— Вот исчадие ада, — наконец возвещает он. — Которое было зачато в чреве ведьмы самим Дьяволом. Она любила посмеяться, когда он трахал её и веселил, но больше этого не случится! Это неродившийся сын Сатаны. Трепещите!

Всё это время я сохранял молчание, погружаясь в тихий ужас. Моя голова кружится, в темноте не видно лиц. Но два огонька зловеще блестят из дальнего угла, они направлены прямо на меня. Они буравят лютой ненавистью.

Не своим сильным голосом хриплю в темноте:

— Что ты с ней сделал, урод?